

Начальные главы первого русского перевода **Бхагавад-Гиты**
и приложение к нему
файл составил *Тихвинский В.И.*

Введение.

К сожалению, так вышло, что перенести первый русский перевод Бхагавад-Гиты в компьютерную память мы можем только вводя его с клавиатуры, а это очень долгий процесс. Но не ознакомить людей хотя бы с частью первого русского перевода Бхагавад-Гиты наши душевные наклонности нам не позволяют. Перевод конечно устарелый, в том смысле, что многие языковые формы, используемые в нем, не используются в современном русском языке, но они могут быть понятны современному человеку. Превращать перевод восемнадцатого века в современный, убирая из него абсолютно все устарелые формы, мы не стали. Данный файл может свободно распространяться, но мы просим любителей “народного творчества” ничего не менять в нем.

Представленные здесь главы и “Епидокл из Магабарата”¹ дают представление и об английском переводе Уилкинса, с которого и был сделан первый русский перевод². Сэр Чарльз Уилкинс был первым европейцем, который начал изучать санскрит и через которого Европа впервые ознакомилась с санскритскими текстами. К моменту публикации первого русского перевода Бхагавад-Гиты Уилкинс уже перевел треть Махабхараты на английский язык, русский перевод был сделан, очевидно, по изданию: *The Bhagavat Geetd or Dialogs of Kreeshna and Arjoon. Transl. by Wilkins. London, 1785.*

¹ “Епидокл из Магабарата” был напечатан в качестве приложения к переводу Бхагавад-Гиты в издании Новикова.

² В издании Новикова автор русского перевода не указан.

Краткая библиография Уилкинса:

“УИЛКИНС(WILKINS) СЭР ЧАРЛЬЗ (1749? - 1836), Английский востоковед, родился во Фроме, Сомерсетшир, вероятно в 1749. В 1770 он отправился в Индию в качестве служащего Ост-Индской компании. Вскоре он увлекся изучением восточных языков, в частности санскрита, и проделал важную работу для облегчения такого изучения. Когда создавалась печатная продукция на этих языках, сыграл большую роль в практической работе при подготовке текстов. В 1786 он возвратился в Англию, но продолжил изучение санскрита. Впоследствии стал библиотекарем Ост-Индской компании и экзаменатором при кадетском корпусе, созданном в 1805 в Хейлибери. В 1833 Уилкинс был посвящен в рыцари, что было признанием его заслуг в изучении Востока. Умер в Лондоне в 1836. Он был пионером в своем деле, первым англичанином, который приобрел мастерство в области освоения санскрита и досконально изучил индийские тексты в подлиннике. Он составил санскритскую грамматику и издал несколько переводов священных книг Востока. Помимо того подготовил новое издание персидского и арабского словаря Ричардсона и каталог рукописей, собранных сэром Уильямом Джонесом, который признавал свой долг пред Уилкинсом и которому Уилкинс помогал в основании Азиатского Общества в Бенгалии.”¹

Тихвинский В.И. tvitaly1@yandex.ru

¹ переведено с: http://www.1911encyclopedia.org/Sir_Charles_Wilkins

БАГУАТ-ГЕТА,
или
БЕСЕДЫ
КРИШНЫ с АРЖУНОМ,
С ПРИМЕЧАНИЯМИ,

*Переведенныя с подлинника писаннаго на древнем Браминском языке,
называемом Санскритта, на Английской, а с его на Российской язык.*

МОСКВА,

В Университетской Типографии у Н. Новикова.

1788

БЕСЕДА I.

Скорбь Аржунова.

Дритараштра говорил:

Поведай мне, о Санджай, что сделало войско мое и войско *Пандусов*,
собравшееся в *Курукишктре* и готовое к сражению.

Санджайа отвечивал:

Дурийодган, узрев войско *Пандусов* устроившееся к сражению, пришел к
учителю своему и говорил ему:

Воззри наставник мой! на сильное воинство сынов *Панду*, предводимое
питомцем твоим, искусным сыном *Друпадовым*. В нем находятся герои,
каковы суть *Бима* и *Арджун*; в нем находятся *Йуйудгана*, и *Вират*, и *Друпат*,
и *Дриштакету*, и *Чекитана*, и сильный Князь Казинской, и *Пуружет*, и
Куньтибожа, и *Сивья*, сильный полководец, и *Йудгаманью-Викранта*, и
смелый *Утамовжа*; в нем же сын *Субадры* и сыны *Кришны*; дочери
Друпадовы: все они велики во брани. Выслушай же имя знаменитейших

мужей и с нашей стороны. Я нареку только немногих полководцев для примера. Ты сам учитель мой между ими, и *Бешма*, и *Крила*, победитель в сражениях, и *Асваттгама*, и *Викарна*, и сын *Сомадаты*, купно с бесчисленным множеством оных, отрекшихся для служения мне от любви к жизни Всякой из них искусен в употреблении оружия и во всяком бою отныне. *Бешма* начальствует над нашими бесчисленными силами; а *Бем* предводительствует скудным войском неприятелей наших. Да станет всяк из полков на месте своем, назначенному ему по распределению, и все они да будут готовы на помощь *Бишме*.

Старый полководец¹ и брат прародителя *Курусов*, возопив гласом, подобным гласу льва ревущего, вострубил в раковину² свою, дабы возбудить дух полководцев *Курусовских*. В тоже мгновение по всюду раздался звук бесчисленных раковин и иных воинских инструментов; ужасен был звук их. *Кришна*³ и *Аржуна*⁴ стояли тогда в блестящей колеснице белыми конями запряженной. И они трубили в раковины свои, имеющие вид небесный. Имя раковины, в которую трубил *Кришна*, было *Панкажанья*, а раковина *Аржунова* называлась *Дева-Датта*. *Бем*, совершитель страшных подвигов, трубил в огромную раковину *Повндуру*. *Йудгиштир*, Царский сын *Кунте*, трубил в *Ананта-Виджайю*. *Накул* и *Сагадева* трубили в раковины свои: из них одна называлась *Сугоша*, другая *Манипушлака*. Князь Казийской с сильным луком, *Сикганде*, *Дриштагумна*, *Вирата*, *Сатйаки*, непобедимый в оружии, *Друпад* и сын царской дочери его Кришны, купно с сыном *Субадры* и с иными полководцами и знаменитыми мужами, все трубили в раковины свои. Громкозвучные гласы их пронзали сердца *Курусов*, и с ужасным громом от неба до земли отзывались.

Тогда *Аржун*, узрев сынов *Дритараштры* готовых уже к начатию битвы

¹ **Старый полководец** – *Бешма*, брат *Вичитрави*, дед *Курусов* и *Пандусов*.

² **Раковина**. – *Сопча*, или улитка.

³ **Кришна**. – *Воплощение Божества*.

⁴ **Аржунова**. – *третий сын Панду и любимец Кришны*.

и уже начавших пускать оружие, взял лук свой и говорил *Кришне* следующее:

“О *Кришна*, прошу тебя, позволь колеснице моей ехать и стать посреди
обоих войск, дабы мог я видеть людей, готовых и нетерпеливо желающих
начать кровавою битву, с кем должен я сразиться в сем строю, и кто суть
собравшиеся на помощи мстительному сыну *Дритараштры* в сражении.”

Кришна, вняв словам *Аржуновым*, повелел двигнуться колеснице.
Остановившись по среде между обеих войск, приказал *Аржуну* обратить
глаза свои на строй *Курусов*, и смотреть, где стояли престарелый *Беиша* и
Дрон со всеми знаменитыми полководцами их стороны. Воззрев на оба
воинства, не видел он с противной стороны не кого, кроме дедов, дядей,
племянников, попечителей, сынов и братьев, ближних родственников и
друзей. Смотрев на них несколько времени, и видя сих друзей готовых к
сражению, проникнут был крайне соболезнованием и сокрушением и излил
скорбь свою в следующих словах:

Аржун.

“Узрешу мне родственников моих, о *Кришна*! нетерпеливо сражения
ожидающих, члены мои ослабевают, бледность покрывает лицо мое; волосы
на голове моей воздымаются, и весь состав мой дрожит от ужаса! И *Гандев* ⁵
лук мой выпадает из руки моей, и кожа моя увяла и иссохла! Не могу стоять,
ибо разум мой как бы кружится, и со всех сторон вижу несчастные
предзнаменования. Истребив род мой, могу помышлять в предь о
благополучии? Я не желаю победы, о *Кришна*! Не нужна мне власть, не
нужно веселие. На что власть, на что забавы в жизни, на что и самая жизнь,
когда те над которыми желал бы я власти, от которых желал бы веселия и
забав, пренебрегши жизнь и счастье, стоят здесь на поле готовы к сражению?
Попечители, сыны и отцы, деды и внуки, дяди и племянники, сродники и
друзья! Хотя бы они убить меня хотели, но я не пожелаю сразиться с ними, не

⁵ *Гандев, лук мой, – подаренный Варуном, Богом Окияна.*

пожелаю и за владычество над всеми тремя частями вселенной, а не только за сию малую частицу земли. По убиению сынов *Дритараштры*, какое удовольствие, о *Кришна*! возможет нас порадовать? Хотя они и тираны, но грех возымеет у нас прибежище, когда мы их истребим. И так не должно нам убивать толь ближних родственников. Возможно ли нам, о *Кришна*! быть благополучными, соделавшись убийцами рода нашего? Когда те, чьи души развращены властолюбием, не видят греха в истреблении собственного своего рода, не видят преступления в умерщвлении друзей своих, служит ли нам сие починною, чтоб мы решились не отвращаться от такого преступления, мы гнушающиеся греха истреблять единокровных сродников наших? По истреблению семейства теряется и древняя добродетель семейства сего. С потеряннем добродетели порок и злочестие одолевают весь род. Влиянием злочестия женщины семейства становятся порочными; от женщин же порочных рождается мерзкое племя, *Варна-Санкар* называемое. *Санкары* приуготовляют ад⁶ и для убиенных и для оставшихся в живых, и праотцы их⁷, лишены будучи обрядов приношения их пирогов и воды,

⁶ **Ад.** – в оригинале: **Нарк** преисподняя страны, находящаяся, по мнению Индийян, на дне земли, в которых имевшие менее добродетелей, нежели пороков, осуждены жить несколько времени по мере их преступления; а потом выходят они от туда, дабы обитать в телах нечистых зверей.

⁷ **Праотцы и пр.** – Индийцам повелено в **Ведах** приносить духам предков своих, до третьего колена, пироги, называемые **Пинда**. Сей обряд совершается в день каждого новолуния. Равным образом предписано ежедневно возливать воду, и сей обряд называется **Тарпан**, т.е. удовлетворять. Думают, что души таких людей, которые оставили после себя детей для продолжения их рода, непосредственно по разлучению с телами переносятся в некоторую страну, называемую **Питри-Лог**, где они могут жить по мере прежних своих добродетелей, если помянутые обряды не будут пренебреженны; в противном случае свергаются они в **Нарк** и бывают осуждены к возрождению в телах нечистых зверей к переходу через несколько таких возрождений, пока все грехи их истребятся и они достигнут степени совершенства, называемой **Мукти**(вечное спасение), под чем разумеется освобождение от будущих переходов и поглощение в натуре верховного Божества, именуемого **Брамою**. Сии обряды, называемые **Срад**, не известны были Грекам и Римлянам, и ныне еще исполняются последователями Магометовыми.

свергаются в преисподняя страны. От преступления умерщвляющих собственных своих родственников, тяжелой вины осквернения и рождения *Варна-Санкаров*, навсегда погибает добродетель семейства и добродетель целого поколения. А нам сказано, о *Кришна*! что пребывание тех смертных, которых род лишился свой добродетели, должно быть во ад. Горе мне! Какое преступление готовы мы совершить! Увы! желая приятностей власти, приугодили мы умерщвлять единокровных родственников наших! Лучше потерплю я, чтоб сыны *Дритараштры* наступили на меня с оружием в руках и без сопротивления убили меня беззащитным.”

Аржуна, преставший говорить, сел в колеснице между обеих войск и бросил лук и стрелы; скорбь одолела сердце его.

БЕСЕДА II.

О натуре души и умозрительных учениях.

Кришна, видя его проникнута сокрушением, видя льющиеся из глаз его поток слез и сердце глубокое печалью стесненное, говорил ему следующее:

Кришна.

“Откуда, о *Арджун*! нашла на тебя, стоящего на поле сражения, сия бурная и мужу не свойственная слабость? Сие постыдно, противно должности ⁸ и есть основание бесчестия. Не предавайся всей слабости, ибо она не пристойна такому человеку, каков ты. Изгони презрительную слабость сию из сердца своего и ободрись.”

Арджун.

“О *Кришна*! Не ужели должен я решиться сражаться стрелами моими в сем поле с *Бешмою* и *Дроном*, поче всех людей почтения моего достойными? Лучше желал бы я искать пропитания, скитаясь по всему миру, нежели быть убийцею моих наставников, которым должен я толь глубоким почитанием. Истребив таковых друзей, каковы они, приобрел бы я владение, богатство и забавы, их кровию оскверненные. Не ведаем, что будет лучше, мы ли побьем их, или они нас; ибо те, по убиению которых я жить не желаю, суть сыны и поколения *Дритараиштры*, выступившие против нас. Сострадательное свойство мое преодолевается страхом греха.

Скажи мне по правде, что мне делать надлежит. Я ученик твой; наставь же меня, питомца своего, в моей должности: ибо предписания должности ⁹ смущают разум мой, и я не вижу ничего, что могло бы смягчить скорбь мою, все мои способности иссушающую, хотя бы надлежало за то получить царство всея земли без совместника, или владычество над воинствами

⁸ **Противно должности**, – *должности воина.*

⁹ **Предписания должности**, – *должности воина, противоположные предписаниям общих нравственных должностей.*

небесными.”

Аржун, сказавши сие *Кришне*, и объявив, что не хочет он сражаться, умолк. *Кришна*, улыбаясь, говорил печальному Князю, посреде двух войск стоящему, следующее:

Кришна.

“Ты скорбишь о недостойных оплакивания, хотя мысли твои и суть мысли мужей мудрых ¹⁰. Мудрый не скорбит ни о смерти, ни о жизни. Никогда не было того, что б я и ты и все Князи на земле не существовали, и никогда не престанем существовать. Душа как в сем смертном теле находит младенчество, юность и старость, так и в будущем виде найдет она подобное. Кто твердо сему верит, тот не смущается не чем, что бы ему не случилось. Чувствительность способностей производит жар и холод, удовольствие и скорбь, которые приходят и удаляются, и суть преходящи и не постоянны. Сноси их терпеливо, о сын *Баратов*! ибо мудрый муж не смущающийся ими, и для которого скорбь и удовольствие суть едино, сотворен для бессмертия. Существо только воображаемое не имеет бытия; но действительное чуждо несуществования. Проникающие в начало существ видят цель всякого существа. Научись, что сотворивший все вещи невредим, и что никто не может разрушить существа неисчерпаемого. Сим телам, покрывающим души, которыя в них обитают, и которыя суть вечны, невредимы и всякое понятие превышают, определено быть конечными существами. И так, о *Аржун*, решишь сражаться! Человек мнящий, что душа убивает, и тот, кто думает, что душа разрушена быть может, оба равно обманываются; ибо она не убивать, ни убита быть не может. Она не такое существо, о котором бы можно сказать, что оно было, начинает быть, или некогда будет; ибо она есть существо нерождаемое; она древна, постоянна и

¹⁰ Мужей мудрых, – Пандитов, или толкователей закона, либо в пространнейшем смысле тех, которые посредством размышления достигли степени совершенства, называемой **Гнан**, или вдохновленной мудрости.

вечна и не может разрушена быть в сем смертном ея виде. Человек верящий, что сие существо невреждимо, вечно, неисчерпаемо и нерождаемо, как может думать, что оно может кого либо убить, или допустить быть убито? Как человек скидает с себя старую одежду и новую одевает, так и душа, оставляя старые смертные виды, переходит в иные новые виды. Оружие ее не рассекает, огонь не сожигает, вода не повреждает, и ветер не иссушает; ибо она не рассекаема, не сожигается, невреждима и неиссушима: она вечна, всеобща, пребывающая постоянно, неподвижна; она не видима, непостижима и неизменяема. И так веря, что она такова, не должен ты скорбеть. Но хотя бы ты верил, что она навеки рождена и вечно пребывает, или думал, что она умирает купно с телом, однако оплакивать ее причины не имеешь. Смерть определена всем существам, подверженным рождению, и возрождение определено всем существам смертным. И так не должно тебе скорбеть о том, что неизбежно. Препрежнее состояние существ неизвестно; настоящее только явно; а будущее их состояние не может быть открыто. И так почто смущаться тебе таковыми вещами? Некоторые почитают душу чудом, и некоторые говорят о ней, а другие слушают их с удивлением; но никто из них не знает ее, хотя они слышали ее, хотя они слышали ее описание. Сей дух не может разрушиться в смертном виде, в котором он обитает, а потому печалиться о всех сих смертных тебя не достойно. Обрати взоры свои на частныя должности твоего состояния, и усмотришь, что тебе не прилично трепетать. Воин из поколения *Кшатри* не имеет высшей должности, как сражаться. По желанию своему находишь ты врата небес отверстыя перед тобою. Только славныя сражения достаются только любимым небесами воинам. Но если ты не хочешь исполнить звания твоего и одержать победу, то пренебрежешь должность и честь свою и учинишь преступление. Род человеческой говорил о славе твоей, что она бесконечна и неисчерпаема. Слава человека почтеннаго в мире простирается далее разрушения тела его. Полководцы воинств почтут страх причиною удаления твоего с поля сражения, и ты будешь презрен теми, которыми приобик ты быть почитаем. Неприятеля будут говорить о тебе выражениями недостойными, будут унижать храбрость твою и способности:

что может быть страшнее сего? Если будешь убит, преселишься в небеса; если победишь, мир в награду получишь. И так, о сын *Кунти*! Ободрись и решишь сражаться. Почитай удовольствие и прискорбие, выигрыш и потерю, победу и урон, за единого, и уготовься к сражению. В противном же случае учиниться преступником в высокой степени. Так должен ты рассуждать на поле сражения.

Рассуждение твое основано на умозрительных учениях *Санкхья-састры*; но внемли, каково оно в практическом учении, которое принявши, составишь ты предел действия ¹¹. Самая малая часть сея должности освобождает человека от великаго страха. В сем (в практическом учении) одно только рассуждение; но оно определенного свойства, а рассуждения оных (умозрительных учений), основанных на неопределенных началах, суть бесконечны и многие имеют ветви.

Люди с ограниченными познаниями, находящие удовольствие в противоречиях *Вед*, зараженные мирскими похотями и предпочитающие преходящее наслаждение небом вечному в оном поглощении, утверждая, что нет инаго наслаждения, произносят распешренные изречения, для приобретения чрез то мирских богатств и увеселений, учреждают бесчисленные и многоразличные обряды, и обещают награждения за дела в сей жизни. Решительное мнение людей, прилепленных к богатствам и увеселениям, и которых рассудок сокращен сим учением, не основано на зрелом рассуждении и размышлении. Предметы *Вед* суть троякого свойства¹²

¹¹ **Пределы действия**, – *Индийцы думают, что всякое действие тела, как доброе, так и злое, ограничивает душу смертным рождением, и что вечное спасение, которое они называют **Мукти**, может приобретено быть единством только посредством совершенного пренебрежения всех подлунных вещей, или, что то же самое, согласно с учением **Кришны**, посредством удаления всякой надежды награждения за свои дела. Они говорят, что такое награждение может состоять только в кратком наслаждении некоторым местом в небесах, которое они называют **Сварг**; ибо человек единственно делами своими не может достичь совершенства, подвержен будучи смешению добра и зла, всажденному в состав его.*

¹² **Предметы Вед суть троякого свойства**, – *Толкователи не согласны в подлинном*

Но ты будь свободен от троякого свойства; будь свободен от двойственности, и стой твердо на пути истины. Будь свободен от заботы и печали, и обращай ум свой к существам духовным. Богомудрый человек находится во всем собрании *Вед* столь ко же употребительного, сколько в водоеме через край водой наполненном.

Побудительные твои причины да будут в самом деле, а не в следствии онаго. Не будь одним из тех, которым надежда награждения служит побудительную причину их действий. Не трать жизнь свою в бездействии: исполняй свою должность, удаляй все мысли о последствии, и не пекись об окончании, каково оно не будет, добро или худо; ибо такое равнодушие называется *Йог*¹³. Действие ниже употребления мудрости¹⁴. И так ищи прибежище в единой мудрости; ибо сражения достойные и несчастные потому только несчастны, что заботились о следствии. Мужья истинною мудростию одаренные не заботятся о добре и зле в сем мире. И так старайся получить такое употребление разума твоего; ибо сие употребление в делах есть драгоценное искусство.

Мудрые мужья, удалившие все мысли о плодах дел своих, освобождаются

*значении сих слов. Но как **Веды** относятся к трем различным системам религии, то вероятно, что оныя касаются до сего обстоятельства.*

¹³ **Йог.** – в языке санскрит нет другого слова, которое можно бы было толковать столь многоразлично, как сие. Первое его значение есть: связание, или соединение. Также обозначается им напряжение(application) тела, или ума. Но в сей книге оно употребляется вообще как богословской термин, и означает напряжение души в духовных делах и отправление богослужительных обрядов. Слово **Йоге**, набожный человек, есть одно из производных от онаго слов. Если под словом набожность будут разуметь исполнения должностей религии и созерцания Божества, то оно вообще будет служить к выражению смысла оригинала; а слово набожный будет служить к выражению производных от помянутого термина слов.

¹⁴ **Мудрости.** – Везде, где употребляется в сем переводе слово мудрость, надлежит разуметь вдохновенную мудрость, или познание божественного естества. В оригинале означает сие словом **Гнан**, или как оно пишется, **Йнан**.

от цепей рождения и преходят в страны вечного блаженства.

Когда рассудок твой одержит верх над на мрачною слабостию твоего сердца, тогда получишь ты все познание, которому когда либо научались, или которое достойно быть изучаемо. Когда разум твой, учением в зрелость приведенный, неподвижно утвердится в созерцании, тогда приобретет он истинную мудрость.”

Аржун.

“О *Кришна*! Какой есть отличительный знак такого мудраго и постоянного мужа, утвердившегося в умозрении? По чему можно узнать сего мудреца? Где он живет? Как он поступает?”

Кришна.

“Человека называют утвердившимся в мудрости, когда он оставляет всякие вожеления, вкрадывающиеся в его сердце; когда он сам собою счастлив, в самом себе доволен. Душа его не смущается в несчастьи; он бывает благополучен и доволен в счастии; и он чужд тоски, страха и гнева. Такой мудрый муж называется *Муни*. Того человека мудрость утверждена, который во всем бывает без страсти, и который добро и зло принимает, не радуясь первому и не унывая при другом. Мудрость его укоренилась, когда он, подобен черепахе, может все свои члены сжимать и удерживать от обыкновеннаго их употребления. Голодный человек пренебрежет всякой иной предмет, кроме удовлетворения своему аппетиту; но когда он познает Всевышняго, то пренебрежет и оный. Мятежные чувства силой увлекают сердце и того мудраго мужа, который силится их удержать. Вдохновенный человек, уповающий на меня, может их усмирить и быть счастливым. Человек, покоривший себе страсти свои, имеет истинную мудрость.

Человек следующий склонностям чувств заботится о них. От сия заботы происходит страсть, от страсти гнев, от гнева буйство¹⁵, от буйства

¹⁵ **Буйство.** – в оригинале **Мога**, что значит смятение способностей, производящее

повреждение памяти, от лишения памяти лишение рассудка, от лишения рассудка лишение всего. Человек имеющий ум к управлению оным, [не] наслаждающийся чувственными предметами, покоривши уже все свои способности воле своей и освободившись от гордости и злобы, получает высочайшее блаженство. В сем блаженстве родится ему освобождение от всех его печалей, и как ум его бывает в покое, то мудрость течет к нему отовсюду. Человек не следующий сему не имеет мудрости, или силы созерцания. Человек не способный мыслить не имеет спокойствия. Какоеж счастье может радовать того, кто спокойствия не имеет? Сердце, следующее повелениям мятежных страстей, мечет рассудок, подобно, как буря малую ладью в ярящемся Окияне. И так человек могущий удерживать все свои страсти от беспорядочных их вожделений одарен истинною мудростью. Такой человек бдит только в ночь, когда все к покою уклоняется, в ночь времени. Созерцающий *Муни* спит только в день времени, когда все бодрствует.

Тот человек, которого страсти входят в сердце его подобна как воды вливаются в Окиян, не воздымающийся от того, получает блаженство, а не тот, кто веселится своими похотями. Тот человек, который, удаливши все плотские похоти, живет не имея беспорядочных вожделений, без высокомерия и свободен от гордости, получает блаженство. Сие есть прилепление к Богу. Человек приобретший такое вверение себя Всевышнему не заблуждается; и в самый час смерти, если получит оное, соединится с бесплотною натурою *Брамы*.

БЕСЕДА III.

О делах.

Аржун.

Если по мнению твоему употребление разума превышает исполнение дел¹⁶, для чего понуждаешь ты меня к предприятую толь страшному, как сие? Ты смущаешь, так сказать, рассудок мой смесью мыслей. Избери из них одну, посредством которой мог бы я получить блаженство, и изъясни ее мне.

Кришна.

Я уже прежде сказал, что в сем мире находятся два учения *Санкхья*, или теоретическое знание, которое есть упражнение рассудка в созерцании, и практическое, или исполнение нравственных должностей и должностей религии.

Человек не наслаждается еще свободою от действия, когда не начинает того, что ему делать надлежит, и не получает блаженство от совершенного бездействия. Никто не остается в бездействии ни на минуту. Всякой человек невольно принужден бывает действовать по сродным естеству его началам. Человек, ограничивающий действующия свои способности и довольствующийся устремлениям души своей к чувственным предметам называется человеком имеющим душу заблудшую и исполнителем обмана. Но тот заслуживает похвалу, кто, покорив все свои страсти, исполняет действующими своими способностями все житейския дела не заботясь о последствиях. Исполниай определенные тебе дела. Действие имеет превосходство над бездействием. Путешествие смертного твоего вида не будет иметь успех от недействия. Сей заботливый мир правится иными побуждениями, нежели Богопочитание. И так, о сын *Кунти*! Удали все собственыя (самственныя) побуждения и исполниай должность свою

¹⁶ **Исполнение дел.** – отправления обрядов религии и исполнения нравственных должностей, называемое **Карма-Йога**

единственно для него единого.

Во дни древние, когда *Брама*¹⁷, Господь творения, сотворил род человеческий и в то же время учредил служение себе (Богопочитание), говорил он и сказал: “Сим служением просите приращения, и его да придержитесь вы для исполнения всех ваших желаний. Сим служением воспоминайте Богов, дабы и Боги вас воспоминали. Воспоминайте друг о друге, и получите высочайшее блаженство. Боги воспоминаемы будучи в служении, позволят исполниться желаниям вашим. Наслаждающийся тем, что они ему дали и не жертвующий им частью от того, подобен татю. Те, которые едят только оставшееся от жертвоприношения, очистятся от всех преступлений своих. Приготовляющие пищу свою только для самих себя едят хлеб греховный. Все существа, имеющие жизнь, рождаются от хлеба, который они едят. Хлеб рождается от дождя; дождь от Богопочитания, а Богопочитание от добрых дел. Знай, что добрая дела происходят от *Брама*, которого естество невреждено; а потому вездесущий *Брам* присутствует при служении ему (в Богопочитании).

Грешный смертный, веселящийся удовлетворением, страстям своим и не следующий колесу, таким образом в мир обращающемуся, живет тщетно.

Но человек, могущий в самом себе находить веселие и удовлетворение и могущий быть счастлив в собственной душе своей, не имеет случая¹⁸. Он не имеет нужду пещись о том, что сделано и чего не сделано, и между всеми сотворенными существами нет такого предмета, к которому мог бы он прилепиться. По сему исполняй ты, что тебе делать надлежит, во всякое время, не заботясь о последствии; ибо человек делающий без пристрастия, что ему делать надлежит, получает Всевышнего.

¹⁷ **Брама.** – Божество в свойстве Творца.

¹⁸ **Не имеет случая.** – Не имеет случая наблюдать части религии состоящая в обрядах.

Жанака и другие достигли и делали совершенства¹⁹. И так ты должен наблюдать практику человеческого рода и поступать сообразно тому. Человек низкого состояния следует тому, кто выше его, и делает то, что тот делает. Для меня, о *Арджун*! Во всех трех странах вселенной нет ничего, что бы мне сделать было нужно; нет ничего такого, чего бы я еще не получил; однакож я живу в исполнении нравственных должностей. Если б не был я бдителен в наблюдении сих должностей, то все люди тот час последовали бы моему примеру. Если б не исполнял я нравственных дел, то сей мир разрушил бы должность свою; я был бы причиною не законных порождений, и совратил бы народ с правого пути. Как невежда исполняет житейския должности надеясь награждения, так и мудрый муж, из уважения ко мнениям и предрассудкам человеческим, должен исполнять оныя без кротколюбивых побуждений. Он не должен делать разделения во мнениях невежд склонных к наружным делам. Ученый муж рачительным исполнением всех житейских должностей должен побуждать простолюдина к наблюдению его должностей.

Человек, которого ум приведен в заблуждение гордостью самодовольствия, думает, что он сам производит все действия, производимые началами его состава (сложения). Но человек познающий натуру двух различий, причины и действия, рассуждая, что сие начала действуют сообразно своим свойствам, не беспокоится тем. Люди приводимые в заблуждение началами натур своих, находят выгоду в делах способностей. Человек познающий все (целое) не должен отвлекать тех людей от дел их, которые имеют тупое понятие и менее его опытны.

Возложи всякое дело на меня, и сердце твое, будучи управляемо душою, да будет свободно от надежды, да не превозносится, да будет свободно от забот, и ты решишь сражаться.

Те, которые с твердою верою и без нареkania постоянно будут следовать

¹⁹ **Достигли совершенства**, – той степени совершенства, которая необходимо нужна для спасения.

сему учению моему, и делами спасутся. Знай, что те, которые пренебрегают оное, не следуют сему моему совету, уклонились от всея мудрости, лишились рассудка и погибли.

Мудрый муж ищет только, что сродно собственной его натуре. Все существа действуют сообразно натуре своей; чтож может им препятствовать? Во всяком чувственном предприятии утверждены пристрастие и отвращение. Мудрый человек не должен предаваться их власти, ибо обое суть его противники. Собственная религия человека, хотя бы и противная, лучше чужой веры (веры другого), как бы хорошо оной ни следоват. Благо умереть в собственной своей вере; ибо чужая вера рождает страх.

Аржун.

Что, о *Кришна*! Побуждает человека делать преступления? Кажется, что он против желаний своих побуждаем бывает к тому некоею тайною силою.

Кришна.

Знай, что сие (побуждение) есть враждебная похоть, или страсть, происходящая от плотскаго начала, ненасытимая и греховная, которою мир сей покрыт, как пламя дымом, как зеркало ржею, или как плод (foetus) своею перепонкою. Разум мудраго мужа помрачается сим закоснелым врагом в образе вожделения²⁰, ярящимся подобно огню, и которого трудно укротить. Сказывают, что чувства, сердце и разум суть те места, которыми наипаче любит он управлять. С помощью их преодолевает он рассудок и душу приводит в онемение. Того ради должен ты во первых покорить свои страсти и преодолеть сего греховного губителя мудрости и знания.

Органы довольно заслуживают почтение; но ум выше их; решение²¹

²⁰ **Вожделения**, – воли, управляющий органами, сердцем и разумом.

²¹ **Решение.** – В сем месте решение значит различать истину какого либо положения; разум.

выше ума; а кто выше решения, тот есть *Он*²². Когда ты решил, что есть
превыше решения, и утвердил самого себя самым собою, то решишь изгнать
врага, во образе вожеления, которого предметы трудно исполнить.

²² **Он.** – *Душа, или всеобщий дух: жизненная душа почитается частью онаго.*

БЕСЕДА IV.

Об оставлении дел.

Кришна.

Сие неопровержимое учение преподавал я прежде *Вивасвату*; *Вивасват* сообщил оное *Ману*; *Ману* преподавал его *Икшваку*; и предаемо будучи от одного другому, оно изучаемо было *Ражаршиями*, пока на последок в течении времени великая (могущественная) сия наука была потеряна. Самое сие учение сообщил я в сей день тебе; ибо ты служитель мой и друг. Оно есть древнее и высокое таинство.

Аржун.

Зная, что ты родился по смерти *Икшваку*, как должно мне разуметь то, что ты прежде его был наставником в сем учении.

Кришна.

Оба мы, я и ты, перешли много рождений: мои мне известны; но ты о своих не знаешь.

Хотя я по естеству моему не подвержен ни рождению, ни разрушению, и есмь Господь всех сотворенных существ; но повелевая собственным моим естеством, делаюсь я видимым собственной моей силою. Когда в мире добродетель упадает, а порок и неправда восстают, то я бываю видим; и таким образом являюсь я в разные времена для сохранения праведных, для истребления нечестивых и для восстановления добродетели.

Кто, о *Аржун*! По убеждению признает Божественное мое происхождение и дела такие, тот, оставив смертный свой вид, не перейдет в другой, ибо внидет в меня. Многие, свободны бывши от страсти, страха и гнева, исполнены духа моего и ко мне прилеплены, очистившись силою мудрости, вошли в меня. Таким людям, которые во всем идут моим путем, вспомоществую я, так, как они мне служат.

Желающие успеха делам своим сей жизни, поклоняются *Деватам*²³.
Производимое в сей жизни делами скоро приходит.

Род человеческий сотворен мною в четырех поколениях, различных в началах их и должностях. Познай же во мне творца рода человеческого, несотворенного и бессмертного.

Дела не трогают меня, и я ничего не ожидаю от плодов дел. Верящий мне в том, что я таков, не связан делами. Древние, стремившиеся к вечному спасению, открыли сие, но исполняли дела. По сему и ты исполняй дела так же, как оне древними в прежния времена исполняемы были. Самые ученые едвали могут определить, что есть дело, и что оно не есть. Я скажу тебе, что есть дело; и ты, узнав сие, освобожден будешь от несчастья. Оно может определенно быть так: - дело есть действие, несвойственное действие и бездействие. Путь действия исполнен тьмы.

Кто может видеть, так сказать, *бездействие* в действии и *действие* в бездействии, тот мудр в роде человеческом. Он есть совершенный исполнитель всех должностей.

Мудрые мужи называют его *Пандитом*, которого всякое предприятие свободно от идеи похотения, и которого действия сожигаются огнем мудрости. Он отменяет желание награждения за дела свои; он всегда доволен и независим, и хотя он занимается каким либо делом, но как бы ничего не делает. Он беззаботен; ум и дух его покорены, и он свободен от всякого ощущения; и как он исполняет только должности телесныя, то и не делает никаких преступлений. Он доволен бывает всем, что бы случай ему не доставил; он победил двоедушие и свободен от зависти. В счастии и в

²³ **Служат Деватам**, – слово **Девата** имеет одинаковое значение со словом **Дев**, или как оно иногда произносится, **Деб**. **Деватами** называются Ангелы, или подчиненныя небесныя существа, все свойства Божии, и всякия существа небесныя и земныя, представляемыя в лицах воображением стихотворцев.

несчастью он всегда одинаков; и хотя он действует, но не ограничивается действием. Кто лишен всякой заботы о последствии, кто свободен от уз действия, чей ум покорен духом мудрости, и кто исполняет дела только для Богопочитания, того дела бывают со всем ничто. Бог есть подаяние милосердия (милостыня), Бог есть жертва, Бог в огне алтаря, Богом совершается жертвоприношение, и Бога надлежит достичь тому, кто поставляет единого Бога предметом дел своих.

Некоторые набожные прилепляются к почитанию *Деват*, или Ангелов; другие жертвами приносят почитание свое Богу в огне; иные жертвуют слухом своим и другими органами в огне принуждения; некоторые жертвуют звуком и тому подобным в огне своих органов. Еще некоторые жертвуют действиями всех своих органов и способностей в огне самопринуждения, возженном искрою вдохновенной мудрости. Еще находятся служащие Богу жертвами и служащие умерщвлениями, так же служащие энтузиастическою набожностью. Находятся и такие, которых Богопочитание есть мудрость их чтения: люди покорившие свои страсти и имеющие суровые нравы. Некоторые жертвуют дыханием своим и принуждают его (опускаться) вниз от естественного его пути; а другие принуждают дух внизу находящийся обращаться назад с дыханием. Немногиеж весьма уважают сие две способности, заключают врата обеих. Некоторые едят только по правилу и жертвуют своею жизнью в жизни своей. Все сии различные богопочитатели особенными образами Богопочитания своего очищаются от своих преступлений. Только приобретающий *Амриту*, остающуюся от жертвоприношений его, получает вечный дух *Брама*, Всевышнего. Сей мир не для того, кто не исполняет Богопочитания; и гдеж, о *Аржун*! другой (мир)

²⁴?

²⁴ **И гдеж о Арджун! Другой?** – может быть сие место лучше бы выражено было следующим образом: «Пренебрегающий житейския должности не для сего мира, а еще мене для того, который выше онаго.» Но другой перевод по словам точнее и ближе к оригиналу.

Свойства великаго множества таковых различных образов Богочитания изъясняется устами Божиими. Научись, что все они суть порождения действия. Уверен будучи в сем, получишь вечное спасение; ибо знай, что Богочитание духовной мудрости гораздо лучше служения жертвоприношением вещей. В мудрости можно найти всякое дело без изъятия. Ищиж сия мудрости с коленоприклонениями, вопросами и вниманием, дабы ученые мужи, зрящие начала ея, научили тебя ея правилам. Научившись ей, о сын *Панду*! Не впадешь уже ты в буйство; чрез нея будешь ты созерцать всю натуру в духе, то есть во мне²⁵. Хотя бы ты был величайший из всех преступников, но в ладии мудрости можешь переплыть пучину греха. Подобно, как огонь естественный дерево превращает в пепел, так, о *Аржун*! И огонь мудрости может превращать в пепел все нравственные действия. Нет ни единого существа в сем мире, которое могло бы сравниться с мудростью в чистоте. Соделавшийся совершенным чрез практику оной, ощущает сие в надлежащее время в душе своей. Тот, кто имеет веру, находит мудрость, а паче тот, кто победил свои страсти; получившиж сию духовную мудрость, вскоре будет наслаждаться и высочайшем блаженством. Напротив того невежда и человек не имеющий веры, которого дух исполнен сомнений, погибает. Человек, которого ум предан сомнениям, не может наслаждаться ни сим, ни высшим миром, ниже блаженством. Действия человеческия не имеют силы ограничить²⁶ духовный ум, который посредством тцания оставил дела, и который посредством мудрости рассек оковы сомнения. И так, о сын *Баратов*! Решись рассечь мечем мудрости собственной души твоей сие сомнение, порождение невежества, умом своим овладевшее. Восстань и прилепись к учению!

²⁵ **Во мне**, – в Божестве, которое есть всеобщий дух.

²⁶ **Не имеют силы ограничить**. – Не имеют силы ограничить душу смертным рождением.

БЕСЕДА V.

Об оставлении плодов дел.

Арджуна.

О *Кришна*! Ты недавно говорил об оставлении дел; теперь же говоришь об исполнении оных. Скажи мне прямо, что из обоого лучше?

Кришна.

И оставление и исполнение дел обое равномерно суть способы к высочайшему блаженству; но исполнение дел должно предпочтено быть оставлению. Всегдашний затворник, ничего не желающий и ни на что не ропщущий, достоин быть известен. Такой человек свободен от лицемерия и благополучно освободился от уз действия. Дети только, а не ученые, почитают умозрительное и практическое учения за два разных учения. Оне суть одно, по тому, что оба к одному склоняются концу, и место, достигаемое последователями одного, достигаемое и последователями другого. Тот человек видит, кто видит, что умозрительныя и практическия учения суть только одно. Соделаться *Санньасе*, или затворником, без упражнения, есть подвергнуть себя мучению и скорби. Напротив того *Муни*, занимающийся исполнением своей должности, немедленно достигает *Брама*, Всемогущаго. Человек упражняющийся в исполнении дел, имущий душу очищенную, дух покоренный и страсти обузданныя, и которого душа есть всеобщая душа, не теряет ни чего, будучи в таком состоянии. Внимательный человек, познавший начала существ, видя, слыша, осязая, обоняя, вкушая пищу, двигаясь, спя, дыша, говоря, оставляя что нибудь, принимая за что нибудь, открывая и закрывая глаза свои, думает, что он ничего не делает, но только способности его занимаются различными своими предметами. Человек, исполняющий житейския должности отказывается от всякой выгоды в них, предает их *Браму*, Всевышнему; не заражается грехом, но пребывает подобно листвию лотоса, водами не повреждаему. Люди упражняющиеся в практике, которыя исполняют житейския должности только телом, умом, разумом и чувствами

своими, и для очищения души не заботятся о последствиях, и хотя упражняются в делах, но плоды действия оставляют, получают бесконечное блаженство. Напротив того человек не упражняющийся в практике, привязан будучи ко плоду (дел) действующим вожделением, бывает во узах ограничения. Кто покорил страсти свои и умом своим оставляет все дела, душа того человека покоится в девятивратном граде своего пребывания²⁷, не действуя и не подавая повода к действию.

Всемогущество не сотворило ни сил, ни дел человеческих²⁸, ни употребления плодов действия: натура превосходит. Всемогущество не приемлет ни пороков чьих либо, ни добродетелей. Рассудок, помраченный невежеством, приводит людей в заблуждение; когдаж невежество души их бывает рассеянно силою рассудка, то мудрость их паки просиявает с великолепием солнца и являет Божество. Те, чей разум в нем, очищены бывают мудростию от всех своих преступлений и преселяются туда, откуда никогда уже вспять не обратятся.

Ученые видят Его равно, как в почтенном *Брамани*, совершенном в знании, так и в воле и в слоне, во псе и в ядущем мясо песие. Те, чьи умы устремлены к сему равенству, еще в сем мире приобретают вечность. Они возлагают упование свое на *Браму*, Вечного, ибо он везде одинаков и свободен от погрешности. Человек, знающий *Браму* и уповающий на *Браму*, и которого ум тверд и от буйства свободен, не будет радоваться в счастии, ни роптать в несчастии. Тот, чья душа трогается впечатлениями внешних ощущений, получает то, что составляет удовольствие в собственном его уме. Человек, которого душа таким образом устремлена к познанию *Брамы*, наслаждается непристрастным удовольствием. Наслаждения, происходящие

²⁷ **В девятивратном граде своего пребывания**, – в теле, снабженном девятью орудиями действия способностей, как-то: глазами, носом, устами и пр.

²⁸ **Ни сил, не дел человеческих**. – Для уразумения сего и многих сему подобных мест потребно знать, что Индийцы почитают все наши действия, как добрых, так и злых, происходящими от качеств свойственных началам наших сложений.

от ощущений, суть как бы матки будущих страданий. Мудрый муж, познающий начало и конец существ, не веселится оными. Тот, кто может сопротивляться насилию, производимому похотию и гневом в сей смертной жизни, занимается чем должно и счастлив. Человек счастливый в сердце, спокойный в уме и во внутренности просвещенный, есть *Йоге*, или посвятивший себя Богу, и имущий Божественный дух; он получает невещественную натуру *Брама*, Всевышняго. Таковые *Ришии*, очистившиеся от своих преступлений, освободившиеся от сомнения, имущие умы покоренные, и приемлющие участие во благе всего рода человеческого, получают бесплотного *Брама*. Бесплотный *Брам* уготован искони для свободных от похоти и гнева, имущих смиренные умы и духи покоренные, и для познавших собственные свои души.

Человек, воспреещающий внешним приключениям входить в ум его, устремляющий глаза свои между бровями своими в созерцании, и выпускающий из себя и вбирающий в себя дыхание через ноздри, имеющий способности, ум и разум покоренные, и прилагающий сердце свое к спасению, свободный от похоти, страха и гнева, навсегда получает благословение в сей жизни, и уверившись, что я есмь покровитель ревности в религии, Господь всех миров и друг всея натуры, получит меня и будет благословен.

БЕСЕДА VI.

О управлении души.

Кришна.

Тот есть и *Йоге* и *Санйасе* купно, кто исполняет, что ему делать надлежит, не прилепляясь ко плоду онаго, а не тот, кто живет без жертвенного огня и без действия. Научись, о сын *Панду*! Что называемое *Саннийас*, или оставление мира, есть то же, что *Йог*, или упражнение (практика) в набожности. Тот не может быть *Йоге*, кто в действиях своих не удалил всех намерений. Дела почитаются только средствами, которыми человек, желающий того, может достичь набожности; покойже называется средством для того, кто уже достиг набожности. Когда все созерцающий *Саннийасе* не занимается чувственными предметами, ни делами, тогда называется он достигшим набожности. Он должен возвышать себя самим собой; он не должен терпеть, что бы душа его была угнетаема (унижаема). Сам есть друг самого себя, и равным образом сам есть собственный свой неприятель. Сам есть друг того, посредством кого дух покорен бывает духом; и сам, подобно врагу, веселиться враждою к тому, что души не имеет. Душа спокойнаго покоренного духа бывает одинакова в жару и холод, в страдании и удовольствии, в чести и поношении. Тот человек, которого ум исполнен божественной мудрости и учения, который стоит на зубцах стены и покорил страсти свои, почитается набожным. Для *Йоге* золото, железо и камни суть одно. Тот человек заслуживает уважение, который как между товарищами и друзьями, так и по среде врагов, хотябы они вдалеке от него были, или близко мимо ходили, который с любящими его и с ненавидящими, в сообществе святых и грешников бывает одинаков.

Йоге в уединении постоянно занимает дух свой упражнением. Он затворник; ум и дух его покорены; он свободен от надежды и свободен от ощущения. Он поставляет седалище свое твердо на месте не оскверненном, не слишком высоко и не слишком низко, и сидит на освещенной траве,

называемой *Кусь*, покрыт кожей и полотном. Там он, занимающийся обузданием страстей своих, упражняясь в своей набожности для очищения души, должен сидеть устремив ум свой на один только предмет, держа голову, шею и тело свое твердо и неподвижно, устремив глаза свои на конец своего носа, не оглядываясь на какое либо место. Спокойная душа избавленная от страха, хотящая устоять на пути последователя Божия, должна обуздать ум, и устремив его ко мне, вверится мне единому. *Йоге* с умом усмирленным, содержащий душу свою постоянно в таком упражнении, получают во мне бесплотное и высочайшее блаженство.

Сего божественного упражнения о *Аржун!* не может достичь тот, кто ест более, нежели потребно, или менее, нежели потребно; ни тот, кто имеет привычку спать много, ни тот, кто совсем не спит. Упражнение, которым мучение разрушается, принадлежит тому, кто умерен в ядении и в отдохновении, чьи склонности умерены в действии, и кто умерен во сне. Человек называется набожным, когда ум его пребывает в такой стройности в самом себе, и он избавлен он всякой похоти и беспорядочных вожделений. *Йоге* с покоренным умом, занимающийся таким образом упражнением в набожности, может сравнен быть с лампадою, стоящею в таком месте, куда ветер не приходит, которая горит не колебаясь. Он веселится в собственной душе своей, где ум, служением набожности в стройность приведенный, обитает с удовольствием, и где с помощью духа видит он душу. Он познает беспредельное удовольствие, гораздо достойнее разума, нежели удовольствие от чувств происходящее. Прилепившись к сему удовольствию ум не уклоняется никогда от начал его; получив оное; не почитает он никакого инаго приобретения толь великим, как сие. Прилепленного к одному и самое жесточайшее мучение не трогает. Сие отделение от связи мучения может преимущественно означено быть наименованием *Йог*, духовное соединение, или набожность. Человек знающий собственную свою душу, может достичь его решимостию. Удаливши всякое вожделение, от воображения происходящее, и покоривши умом своим всякую склонность чувств, может он по степеням дойти до спокойствия, и непоколебимою

решимостию утвердив ум свой в нем самом, не должен уже помышлять ни о чем ином. Где бы ни скитался непостоянный ум его, он должен его покорить, возвратить и заключить в груди своей. Тот человек получает высочайшее блаженство, чей ум в таком спокойствии находится, чьи плотския склонности и страсти таким образом покорены, кто таким образом бывает в Боге и свободен от греха. Человек постоянно пребывающий в таком упражнении души и свободный от греха, наслаждается вечным блаженством, соединен будучи с *Брамом*, Всевышним. Тот человек, которого ум одарен сею набожностью и смотрит на все существа равно, видит высочайшую душу во всех существах и все существа в высочайшей душе. Кто видит меня во всех существах, и все существа во мне видит, того я не оставляю, и он не оставляет меня. *Йоге*, верующий во единство и чтущий меня, во всех существах пребывающего, обитает во мне во всех отношениях еще в сей жизни. Тот человек, о *Аржун*! который по происходящему в собственной его груди, по страданию ли или удовольствию, то же и в других усматривает, почитается высочайшим *Йоге*.

Аржун.

По непостоянству нашей натуры я не понимаю, как может твердо быть сие учение о равенстве, которое ты мне преподавал. Ум наш, о *Кришна*! по натуре своей не постоянен, мятежен, жесток и упрям. Я думаю, что его толь же трудно удержать, как ветер.

Кришна.

Ум, о бодрый юноша! без сомнения не постоянен, и трудно удержать его в пределах; однако я думаю, что можно удержать его навыком и умеренностью. По мнению моему, сие божественное учение называемое *Йог* трудно приобрести тому, кто не покорил души своей; но тот возможет приобрести его, кто подвергнется труду овладеть душою своею.

Арджун.

Куда, о *Кришна*! Переселится по смерти тот человек, который хотя имел веру, но не достиг совершенства в набожности, для того, что не покоренный ум его уклонялся от учения? Не преобратится в ничто буй, который не устоял на пути *Брама*, и который через сие, подобно разорванному облаку, как бы упал между добра и зла? Ты, о *Кришна*! можешь решить сие сомнения мои, и нет другого человека, который способен был к решению сих сомнений.

Кришна.

Он ни здесь, ни в высшем мире не разрушится. Никакой человек, творивший добро, не переселяется в злое место. Человек, которого набожность прервана была смертию, наслаждается бесчисленное множество лет награждениями за добродетели свои в высших странах, а на последок рождается паки в каком либо святом и почтенном семействе, иногдаж и в доме какого либо ученаго *Йоге*. Но такое возрождение в сей жизни всего труднее получить. Родившись паки таким образом, снабден он бывает тою же степению употребления и высоты разума, какой достиг в прежнем своем теле, и начинает паки трудиться здесь в достижении совершенства в набожности. Человек²⁹, со рвением желающий научиться сей набожности, сему духовному употреблению души, преступает и самое слово *Брама* (делает лишнее против повеления *Брама*). *Йоге*, который, трудившись всею силою, очистился от преступлений своих и по многих рожденьях соделался совершенным, восходит наконец в высочайшее жилище. Такой *Йоге* возвышен паче *Тапасвиев*, тех ревнителей, которые мучат себя исполнением (дел) покаяния, почтеннее ученых (искусных) в знании и выше прилепленных ко нравственным делам. Того ради, о *Аржун*! решишь соделаться *Йоге*. Между всеми *Йоге* того почитаю я набожным, кто верует в меня, и кто служит мне душею обладаемою моим духом.

²⁹ **Человек**, и пр. — т.е. сие рвение соделаться набожным человеком одинаково с изучением Вед.

ЕПИДОКЛ ИЗ МАГАБАРАТА

Кн.1 Глава 15

Находится прекрасная и великолепная гора; Имя ея *Меру*; превысокая громада пышности, отбрасывающая лучи солнечные от блестящей поверхности, позлащенных рогов своих. Она облечена во злато, и есть священное место собрания *Девов* и *Гандравов*. Она не постижима; грешному человеку не возможно обойти вокруг ея; страшные змеи ея охраняют. Множество небесных лечебных растений украшают бока ея. Пропадая небеса высокою своею вершиною, стоит сей высокий холм, и для самого ума человеческого невосходимый! Он украшен древами и приятными потоками. Увеселительныя песни разных птиц на нем раздаются.

Суры и все славныя воинства небесныя, вошедши на вершину величественной горы сея, драгоценными камнями блестящей и на веки возвышанной, воссели в торжественном соборе и рассуждали об открытии *Амриты*, или воды бессмертия. Существуящим между собой *Сурам*, *Дев Нарайан*, томожь бывший, обратился к *Браме* и говорил: "Суры и Асуры да взволнуют Окиян соединенными силами, подобно, как млеко в сосуде; всколебавши великие воды, обретут они *Амриту*. Да соберут они все врачебные травы все драгоценныя вещи, Да восколеблют Окиян и найдут *Амриту*."

Находится еще другая великая гора, именуемая *Мандар*. Каменистая ея вершина подобна облакам в высоте носящимся. Она облечена сетью, сплетенную из веточек мелкой вьющейся травки. На ней раздается гармоническое пение разных птиц, бесчисленное множество диких зверей делают окрестности ея непреступными; и она есть священное место собрания *Кенаров*, *Девов* и *Ансаров*. Но одиннадцать тысяч *йожанов* стоит она выше земли, и на одиннадцать тысяч ниже ея поверхности.

Соединенные толпы *Девов*, не возмогшие сдвинуть гору сию, пришли перед *Вишну*, сидевшаго с *Брамою*, и говорили им следующее: "Употребите, о Владыки! высочайшую мудрость вашу к тому, что б сдвинуть гору *Мандар*. Способствуйте всем вашим могуществом благу нашему."

Вишну и *Брама* сказали: "Да будет по желанию вашему!" И имущий лотосовое око повелел явиться царю змеев. *Ананта* восстал, наставлен был *Брамою* в сем деле, и *Нарайан* повелел ему иное исполнить. По том *Ананта* силою своею поднял Царя гор, купно со всеми его лесами и обитателями оных. *Суры* провождали его до Окияна, которому они сказали: "Мы хотим всколебать воды твои, дабы получить *Амриту*." Владыка вод отвечивал: "Дайте и мне часть оной; вы знаете, что от верчения горы должен я терпеть жестокие беспокойства." По том *Суры* и *Асуры* обратились к *Карма-Ражу*, Царю черепахе, находившемуся на берегу Окияна, и сказали ему: "Ты, Государь! можешь держать на себе сию гору." Черепаха отвечивала: "Да будет так!" и гора возложена была на хребет ея.

Когда гора возложена была на хребет черепахи, *Индра* начал вертеть ее вокруг, подобно матине. Гора *Мандар* служила мутовкою, а змий *Васуки* канатом. И так во дни древнии *Девы*, *Асуры* и *Дану* начали колебать воды Океана, дабы найти *Амриту*.

Могущественные *Асуры* поставлены были во главе змея. *Суры* ж все были собранны вокруг хвоста его. *Ананта*, владычествующий *Дев*, стоял в поле *Нарайана*.

Тогда многократно оттягивали они голову змея в сторону, и паки опускали; он же, тянут будучи *Сурами* и *Асурами* взад и вперед толь насильственно, испускал из зева непрерывную реку огня, дым и ветер, которые поднявшись в густых облаках, наполненных молниями, проливали дождь на силы небесныя, утомленные уже трудами своими. Между тем от

трясения цветы сыпались с вершины горы, подобно частому дождю, и покрывали головы *Суров* и *Асуров*. В то время рев *Окияна*, толь жестоко колеблемого от верчения горы *Мандар Сурами* и *Асурами*, подобен был реву великаго облака. Тысяча разных произведений вод раздробленны были горою и смешались с соленой водою. Все существа, бывшие во глубине, и все обитатели великой подземной бездны обращены были в ничто. От сильного движения горы древа лесныя ударялись одно о другое и свергались с самой ее вершины со всеми птицами, на них сидевшими. Только сильным их трением произведен был свирепый огонь, покрывший всю гору дымом и пламенем, подобно как мрачным синим облаком и яркими молниями. Лев и вспять отступающий слон поглощены были пожирающим огнем; все существа животные и все вещи сожжены были во всеобщем пожаре.

Наконец, ярящееся пламя, повсюду погибель метавшее, потушено было дождем рожденной в облаках воды, излитым от бессмертнаго *Индры*. Тогдаж река разнородных соков, вываренных из разных деревьев и трав, пролилась в соленую воду. Из сея млеку подобной реки древесных и травных сокови примеса растопленного золота *Суры* получили свое бессмертие.

Воды океана, получив одиннадцатое свойство с семи соками, превратились в млеко, а из сего млека вдруг произошло своего рода масло. Силы небесныя паки пришли ко *Браме*, подателю благ, и говорили ему: "Все *Суры* и *Асуры*, кроме *Нарайана*, утолились от труда своего; но *Амрита* еще не является: того ради колебания *Окияна* остановилось." Тогда *Брама* сказал *Нарайану*: "Снабди их новой силою; ибо ты их подкрепитель." *Нарайана* ответствовал и сказал: "Я дам новую силу сотрудникам в сем деле. Пусть вертят они *Мандар* вокруг и держат крепко берега *Окияна*!"

Они, услышав слова *Нарайана*, возвратились к делу своему и с великою силою начали бить масло *Окияна*. Тогда вдруг вышли из мутимой глубины: во первых Луна с приятным лицом, сияюща десятью тысячами лучей

кроткого света; за нею следовала *Сре*, богиня счастья, сидевшая на белой водяной лилии; по том *Сура-Деве*, богиня вина, и белый конь, называемый *Учисрава*. После того произведены были из густоты *Коветуб*, великолепный, блестящий драгоценный камень, носимый *Нарайаном* на груди своей, *Парижат*, дерево изобилия, и *Сурабаи*, телица, удовлетворяющая всякому сердечному желанию.

Луна, *Сура-Деве*, богиня *Сре* и конь, быстрый как мысль, во мгновение ока пошли мимо *Девов*, следуя солнцу в пути его.

Тогда выступил *Дев Данвантари*, во образе человеческом, держа в руке белый сосуд, наполненный бессмертным соком *Амриты*. *Асуры*, узрив явления сих чудесных вещей, возвысили мятежные гласы свои, устремясь к *Амрите*, и каждый из них вопил громко: "Сие по праву мое!"

В тоже время вышел *Ирават*, сильный слон, принадлежащий тогда богу грома; и как они продолжали колебать *Окиан* более, нежели потребно было, то излился из него смертоносный яд, пожирающий подобно огню ярящему, и страшный дым его во мгновение ока распространился по всему миру, заразил три страны вселенной смертоносным смрадом своим. Но наконец *Сив*, по слову *Брамы*, проглотил для спасения рода человеческого зловредный яд, который остановился в горле сего владычествующего *Дева*, имеющего образ магической; и с того времени назван он *Нил-Кант*, ибо горло его посинело.

Асуры, сие чудесное дело, впали в отчаянье, И *Амрита* и богиня *Сре* соделались источником бесконечной ненависти.

Тогда *Нарайан*, прияв лицо *Могине Майи*, силы очарования, во образе женщины дивной красоты, предстал пред *Асуров*. Умы их очарованы были ее присутствием; лишившись рассудка, они схватили *Амриту* и отдали ей.

Тогда *Асуры*, облекшись в драгоценные брони и схватив разные свои оружия, все купно устремились на *Суров*. Но как же *Нарайан*, во образе женщины, получил *Амриту* из рук их предводителя, то воинства *Суров* пили жизненную воду, между тем, как возмущение и смущение *Асуров* продолжалось.

Утоляющим *Сурам* жажду бессмертия, случилось, что *Асур Рагу*, принявши образ *Сура*, начал пит вместе с ними. Вода дошла только еще до горла его, как солнце и луна, будучи в дружестве с *Сурами*, открыли сей обман; и в то самое мгновение *Нарайан* пьющу ему отсек голову блестящим своим оружием *Шакрой*. Исполинская голова *Асура*, подобие вершины горы, отделенная от тела острием *Шакры*, воспрянула в небеса с ужасным воплем, а тяжелый труп его упал, от чего место под ним расселось и вся земля потряслась во основании со всеми своими островами, каменными горами и лесами. С того времени голова *Рагу* пребывает в вечной вражде с солнцем и луной, и даже до сего дня не перестает нападать на них.

Тогда *Нарайан*, оставивший женской образ, принятый им, начал губит *Асуров* разными небесными оружиями, и с того мгновения началась страшная битва между *Сурами* и *Асурами* на соляном берегу Окияна. Пущено было множество острых метательных оружия, и тысячи пронзающих дротиков и секир падали повсюду. *Асуры* изрыгали кровь из ран, *Шакрою* наносимых, и валились на землю, пронзенные мечами, копьями и острыми булавами. Сияющие полированные златом головы, отсекаемые острием *Пантий* падали беспрестанно, и на части рассеченные тела, валяющиеся в крови своей, лежали подобно отломкам огромных камней, блестящих драгоценными камнями и рудами. Миллионы вздохов и стенаний с обеих сторон раздавались, и солнце облилось кровью, когда они гремели своим оружием и страшными орудиями гибели наносили раны один другому.

Тогда сражались они булавами с железным острием; сцепившись же,

били кулаками, и стон сражения до небес возносился. Они кричали: "гони! бей! повергай на землю!" так, что ужасный и мятежный шум повсюду был слышан.

По среди сего страшного мятежа и бури сражения, *Нар* и *Нарйан* купно вступили на поле. *Нарайан*, узрев небесный лук в руке *Нара*, вспомнил о своей *Шакре*, губительнице *Асуров*. Верное оружие, именуемое *Сударсан*, готовое по призыву мыслей, слетело с небес прямым и блестящим стремлением, прекрасно, но страшно для зрения. Достигши земли, горело оно, подобно огню жертвенному, и вокруг ужас распространяло. *Нарайан* десницею своею, подобно слоновому телу, бросил тяжелый круг сей, быстрого губителя и славного разрушителя, гадов вражеских. Ярясь, как последний всеразрушающий огонь, стремился он вспрыгивая с губительной силою, поражая в быстром полете своем тысячи *Асуров*, пожигая и крутя, подобно лижущему пламени, и посекал все ему воспротивлявшееся. Возлетел до небес, и паки упал на поле, подобно *Писачу*, пиршествовать в крови.

Тогда неустрашимые *Асуры* с усугубленную силою устремились подавить *Суров* стремнинами и горами, которые кинуты будучи в превеликом множестве к небесам, валялись подобны рассеянным облакам и упали со всеми своими деревьями в миллионах ужасных быстрых рек, ударяясь сильно одна о другую с великим стуком. Их падением земля со всеми своими полями и лесами сдвинута была с основания своего. Оне гремели, яростно ударяя одна о другую, катились по полям, и истощали силу свою во взаимном сражении.

Тогда *Нар*, видя *Суров* страхом преодоленных, наполнил путь небесный дождями стрел со златым острием, и сими стрелами, не падавшими туне, раздробил вершины гор. *Асуры*, узрев себя паки тяжело поражаемых *Сурами*, стремительно обратились в бегство: некоторые стремглав поверглись в

соленые воды Окияна; другиеж сокрылись во внутренности земли.

Ярость славной *Шакры Сударсана*, горевшая несколько времени, подобно огню, маслом питаемому, потушилась; и она возвратилась на небеса, откуда сошла. *Суры*, одержав победу, привлекли обратно гору *Мандар* на прежнее место ея с великим почтением. Воды так же возвратились в пределы свои, наполнив твердь и небеса ужасным ревом.

Суры брегут *Амриту* с великим попечением и радуются неизреченно о своем успехе. Индра со всеми своими небесными силами поручил воду жизни *Нарайану*, хранить ее для их употребления.